
Стефания ДАНИЛОВА

ЧЕМ УСПОКОИТЬ МЕРЦАНИЕ

ВЕЧНАЯ МЕНОРА

Погибшим в Бабьем Яру

I

Влюбиться на Ольгинской,
целоваться на Институтской
через платок — иначе никак нельзя,
синюю бесконечную музыку
в свидетели взяв.
Подол щетинится трубами,
Андреевская звенит —
в песню не вставить ни слова грубого,
солнцу идет золотой зенит.
Киев любви, горяч и неоспорим,
улыбается, чистым небом людей укрыв...
Место, где «шир» превратится в «шир-га-ширím»...
...Дальше — обрыв.

II

Желтеют листья, белеют объявления:
«Всем собраться на перепись населения!»
В восемь утра, двадцать девятого сентября.
Кто не явится — это вы очень зря.

Стефания Антоновна Данилова родилась в 1994 году. Поэт. Автор книг «Веснадцать» (М.: АСТ, 2014), «Под небом русского цвета» (М.: АСТ, 2024). Лауреат Всероссийской премии им. А. Дементьева (2023), фестиваля «Покровский собор» (2022), Международного Грушинского интернет-конкурса (2023) и Всероссийского конкурса «Бабий Яр» (2023). Ведущая программы «Молодая поэзия» (<https://molro.ru>). Редактор рубрики «Дебют» журнала «Аврора». Основатель продюсерского центра «Всемпоззии». Мастер поэтических семинаров «Мы выросли в России» и др. Публиковалась в журналах «Звезда», «Prosodia», «Юность», «Дружба народов», «Москва», «Полутона», «Формаслов» и др. Преподает писательское искусство в Российском университете дружбы народов, пишет о поэзии в «Российской газете». Живет в Санкт-Петербурге и Москве.

Перекресток Доктеривской и Мельника...»

...Словно дописано меленько
внизу, невидимо, молоком.
Это видят Юрген, Матиас, Хельмут,
но не видят Хаим, Сулем, Шенкб.

— Что за бумажки, Мойше?
— В другую страну увезут, может?
— Ценное все в баул...
Не прекращается оживленный гул
тут и там, там и тут.
Матери дочкам косы плетут.
Не забыть паспорта
и досчитать до ста.

III

— Куда мы идем, дедушка?
И мы, и вот эта девушка,
и все наши соседи,
и маленькие их дети?

— В Землю Обетованную, внученька,
чтобы нас никогда не мучили.

В Землю Обетованную, милая моя Хавеле,
чтобы всем народом нас переправили.

В Землю Обетованную... Хава, Хава Нагила!

...Но там — могила,
дыра сквозная,
до недр пробитое болью дно.
Дряхлый Волько это прекрасно знает,
но как внучке сказать родной?

На Дорогожицкой куча эсэсовцев и собак.
— Назад! — кричит маленький Исаак.
Будет все не так.

IV

В одинаковых платящих
да с косичками белыми:
— Пощадите! Расплатимся!
Все, что *хочете*, сделаем!
Мы детдомовки, русские, нас принесли грудными...
Офицер, привыкший родных разлучать с родными,
валяющихся в ногах
брезгливо отпихивает носком сапога.

Прочь! Прочерк. Между датой рождения и... другой.
Нет доказательств, жид или гой.
Вчера их волосы были воронова крыла.
Как закаляется сталь? Раскаляется добела.

V

«Надо действовать быстро,
иначе я...»
За секунду до выстрела
Лена прыгнула в яр.
Секундой позже —
кровью по коже.
Пригодилась гимнастика.
Избежала красного ластика,
стирающего за судьбой судьбу.
Лежала в живом гробу,
приподнимаясь, чтоб дочку не раздавить.
Слева — Дезик, никогда не будет «Давид»,
справа — Рахилью не ставшая Роха,
сверху — плоти и крови тонна,
Господи,
за что нам это,
за что нам?

VI

Всего-то добра было
у старого Самуила —
зубы золотые, как свадьба.
Ну и что, что не нажили на усадьбу.
Сарочка — драгоценнейшая жена —
справила аккуратно на Рош-га-Шанá.
Полвека — мирно да ладно.

...По седой голове — прикладом.
Коронки из челюсти грубо вывернул Петер.
Деньги на ветер.

Месяц назад померла от простуды Сарочка,
не узнав судьбу своего подарочка,
не увидев абсолютное зло.
Повезло.

VII

Медсестричка юная, Суламифь,
превращается в миф.
Певчий из синагоги, Иосиф —
в осень.

Хлебопек Авраам —
в сдобный туман по утрам
по-над Бабьим Яром,
ночным кошмаром.
Рвы да овраги.
Сами вы враки.

Говорю: не умерли все они!..
Или, Или, лама савахфани?

Будто клопов выводили, стадо на бойню вели.
Тридцать четыре тысячи за два дня.
У кошки, у крошки, у Гошки — да не боли.
Забери, пожалуйста, и меня.

Восемьдесят два года горит менора,
как отмечать Пурим?
Нет иного лада, кроме минора,
у печальной шир-га-ширим.

КУСТОДИЕВ

...Он выходит во двор, а там Масленица столбом,
праздник обнаруживается в любом,
хороводы водит и млад и стар,
закипает жизнь, как начищенный самовар.
Девки на выданье, удалые богатыри,
всяк — ожившая сказка, рубины да янтари.
Даже дряхлые покосившиеся дома,
засмотревшись на пир, превращаются в терема.
И купчиха знакомая приветливо так кивнет,
и не втридорога — даром предложит мед.
...Он идет все дальше, переходит с шага на бег,
нужно успеть исследовать этот век,
а не то порастет машинами и быльем.
Он вдоль Волги бежит за самый за оком:
вот бы это, и это, и это нарисовать...
...Просыпается, окружают его: кровать,
забота жены и сердцу милая Лебеда,
а врачи говорят: «Борис Михайлович, дело дрянь».
Тут бы упасть пред иконой в немой мольбе,
а у художника вместо нее — мольберт.
Чем болезнь тяжелей, тем легче штрих по холсту:
он в картину идет как будто бы по мосту.
Там он ходит со всеми по ягоды, по грибы,
это вселенная «Если бы да кабы...»
Безупречная Юлия приносит теплые чай и плед.
Он своими ногами пойдет в сорок девять лет

в ослепительно-белый свет, пахнущий молоком
прямо из-под коровы, распускающийся цветком
в волосах у жены, с ним горящей одним огнем.
Как сахар в чае, он растворится в нем.
В мире новом не проронится ни слезы.
Увезут его туда лошади от грозы.
И купчиха, подмигивая, в туюски разольет калган —
то ли вербный торг, то ли сказочный балаган...
Спит в своей Руси Кустодиев, как влитой,
и встает береза ему надгробной плитой.

РУССКАЯ РУЛЕТКА

Из переполненной Господним гневом чаши
Кровь льется через край, и Запад тонет в ней.
Ф. И. Тютчев

Федор Иванович, Вы были слишком правы.
«О времена! — вздыхает народ. — О нравы!»
Люди на Запад катятся, горьки солнышки.
Им Cinderella нравится больше Золушки.
Нам же Останкино Эйфелевой милее.
К двухсотдвадцатилетнему юбилею
Вашему не готовятся неразумные
школьники, их сейчас называют «зумеры».
Нет, не молчат, не скрываются, не таят они.
Будет им аттестат — не мытьем, так катаньем.
Чаша полна Гневом Господним доверху.
Всем чердаки снесло, кто орал: «Я в домике».
Федор Иванович, может, оно и к лучшему —
что не увидите Вы неблагополучия
и разгоревшейся кибермеждоусобицы?
Выживает — сильнейший. Живет — кто живет по совести.
Дикий дуэт Инстасамки и Моргенштерна¹ —
это, увы, совсем не ноктюрн Шопена.
Федор Иванович, Вы остаетесь в силе:
даже задним умом не понять Россию,
не измерить аршином. И было бы это грустно,
не окажись рулетки. Конечно, русской.

МЕРЦАНИЕ

А. Н. Башлачеву

Твой музей, как другая планета —
Далеко-далеко от Земли.
Профиль твой бы украсил монеты,
Если б лептами стали рубли.

¹ Внесен Минюстом РФ в список иностранных агентов.

Я осинкой дрожу в термокофточке.
Деготь лучше поможет, чем мед.
Словно плакальщицы, колокольчики
Повторяют Имя Имен.

Ангел добрый на нас обозлился,
Улетает в края потеплей.
Мир сквозь череповецкие линзы —
Как разбитый об землю дисплей.
Только так прорезается зрение —
Что икона встает над рекой.
Песня или стихотворение,
Богу разницы никакой.

Посмотрю на тебя, на гитару,
На которой одиннадцать струн.
И уеду из города старой,
И сусальные солнца сотру.
Замирание и замерзание
Замуруют меня до зари.
Саша! Чем успокоить мерцание,
Разболевшееся внутри?..

СНЕГА, СНЕГА

*Денису «Джулиану» Семенову,
студенту Литинститута*

В фонарном свете снежинки летят, как блики,
Танцую и не требуя ничего.
Это не мерзлые капельки. Это лики
Погибших на СВО.

Не говорю «лицо»: ведь оно у тех, кто
Еще умывает его ледяной водой,
Слезами, дождем...
А ты обернулся текстом,
Казавшимся всем словесной пустой рудой,

Стал чистым золотом, влитым нам всем в глазницы
И рты, что привыкли ехидничать над тобой.
Покой — это то, что тебе и сейчас не снится.
Ты вечный взрыв, огонь, ты последний бой.

Нет больше тайн. Ты их никому не выдашь.
Вот наша крыша, куда ты любил сбегать.
В небо кричу, как в детстве — в окно: «Ты выйдешь?»
Все, что идет оттуда — снега, снега...

КУРСИВ ВАШ

Нине Берберовой

Никаких заголовков кричащих, вообще никакого пиара.
Мы познакомились так: я просто ходила на пары
В Санкт-Петербургский государственный университет.
Было столько вопросов — а я не была ответ.

Вы мерцали из ридикюлей универсанток.
В аккуратной обложке — как в прижизненном платье.
Мы не пропустим по чашечке кофе завтра,
Мои письма не достигнут Вас, адресата.

В нашем общении я пожизненный слушатель, зритель,
Некто в партере, непонятно в каком ряду.
Я буду молчать — а Вы, пожалуйста, говорите.
В тысяча девятьсот девяносто третьем году

Вы ушли, а я появлюсь годом позже.
То есть невозможен физический диалог,
Но приставка мета- делает все возможным,
И мне точно так же стыдно за пальцы ног.

Из чужих ридикюлей Вы переехали в мой рюкзак.
Некоторые отрывки зачитала до черных дыр,
До звезд в голубеющих от апрельской Невы глазах.
Но Вы оставались поезд, а я пассажир.

Я пишу свою жизнь — в многостраничных вордовских документах,
На салфетках и стикерах, я беру ее на карандаш.
Вы научили меня самым нужным memento.
Почерк — мой, курсив — по-прежнему Ваш.